УДК 81'44

DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-28-33

ХЛЕБ В КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО НАРОДА

У. Г. Гусейнова

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

Введение. Рассматриваются проблемы когнитивной лингвистики. В центре исследования – фундаментальные концепты языковой картины мира.

Материал и методы. Изучается вербализация в русском языке концепта «хлеб», при этом используются материалы из словарей В. И. Даля, В. М. Огольцева, Д. Н. Ушакова, М. Фасмера, а также четырехтомного академического словаря русского языка («Малый академический словарь»), содержащего несколько фразеологических единиц с компонентом «хлеб», в каждой из которых реализуется один из важнейших когнитивных признаков данного концепта.

Результаты и обсуждение. На основании приведенных примеров показано, что степень фразеологизации у этих единиц различна, но тем не менее все они сохраняют связь с исконным денотатом. Это обстоятельство способствует сохранению положительной коннотации в данной фразеологической парадигме. Проведен анализ по когнитивным признакам для выявления объема концепта «хлеб» в языковой картине мира русского народа. Рассматривается вопрос об исконном денотате, формирующем основное номинативное значение слова «хлеб» в русском языке. Фундаментальность концепта «хлеб» в языковой картине мира русского народа со всей очевидностью проявляется на всех уровнях. Полное представление об объеме данного концепта может быть создано только с учетом фольклорного материала. Система важнейших когнитивных признаков успешно прослеживается на материале лексических, фразеологических и паремиологических единиц. Задача когнитивного или лингвокогнитивного анализа заключается в анализе языковых единиц, ориентированном на выявление когнитивных признаков, представляющих данный концепт в структуре конкретного знака.

Заключение. Исследование показало, что когнитивные признаки концепта «хлеб», реализованные в русском языке, охватывают все стороны образа хлеба, созданного национальным мышлением русского народа.

Ключевые слова: концепт, хлеб, картина мира, когнитивный признак, вербализация.

Можно априори утверждать, что хлеб занимает исключительное место в жизни любого народа, соответственно, и образ хлеба характеризуется особым статусом в его картине мира. Не случайно хлеб становится символом заработка вообще, ср. азербайджанское: *çörək tapmaq, çörəyə bəis olmaq, əli çörəyə çatmaq* и т. п. В русском языке, в русском фольклоре и письменной литературе хлеб всегда занимал исключительно высокое положение. Это не обычный продукт питания, а объект особого поклонения. Словарь устойчивых сравнений русского языка фиксирует одну единицу с объектом сравнения «хлеб»: «Как (словно, точно) хлеб „насущенный“» [1, с. 729]. Слово «насущенный» приводится здесь в кавычках как факультативный компонент, т. е. сравнение может иметь две формы: *как хлеб* и *как хлеб насущенный*. Вторая форма, или вариант, со словом *насущенный* восходит к Нагорной проповеди: «Хлеб наш насущенный дай нам на сей день» (Евангелие от Матфея, 6:11) [2, с. 1017]. Это очень сильное, но и вместе с тем очень простое выражение, как и всё в такого рода текстах. На взгляд авторов, экспрессия выражения не препятствует его прочтению в полном соответствии с его внутренней формой. *Насущенный* – это «на существование». В качестве синонима В. М. Огольцев приводит только одно устойчивое сравнение *как воздух* [1, с. 730].

Семантика синонима не оставляет сомнения в том, что образ хлеба ассоциируется с первостепенно важным для жизни, с самым необходимым [3, с. 38]. В четырехтомном академическом «Словаре русского языка» слово *хлеб* приводится в четырех значениях, первое из которых является основным номинативным: «Пищевой продукт, выпекаемый из муки» [4, с. 601]. Второе значение носит характер метонимии: «зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку такого продукта» [4, с. 601]. В структуре третьего и четвертого значений уже содержится элемент афористичности, оба значения в словаре сопровождаются пометой *переносное*. Третье объясняется как «пища, пропитание», четвертое – «средства к существованию» [4, с. 601]. Элемент афористичности заключается в том, что в семантической структуре слова базовой является сема «жизнь». Ни в одной из дефиниций по этим четырем значениям данная сема не представлена, однако, если эти дефиниции дробить последовательно по семантическим множителям, то, на взгляд авторов, сема «жизнь» будет представлена во всех случаях. Иными словами, «хлеб» ассоциируется с «жизнью». «Хлеб у русских – больше чем пропитание, он – символ пропитания» [5, с. 311].

Статья из академического словаря содержит также несколько фразеологических единиц (ФЕ)

с компонентом *хлеб*, в каждой из которых реализуется один из важнейших когнитивных признаков данного концепта. Это такие ФЕ, как *кусоч хлеба*, *хлеб насущный*, *хлебом не корми (только дай)*, *хлеб-соль*; *хлеб да соль*; *хлеб и соль*, *хлеб-соль*, *водить хлеб-соль*, *забыть чью или какую хлеб-соль*, *есть чужой хлеб*, *отбивать хлеб*, *ставить хлебы*, *жить на хлебах*, *идти на хлеба*, *с хлеба на квас перебиваться* [4, с. 602].

Степень фразеологизации у этих единиц различна, но тем не менее все они сохраняют связь с исконным денотатом [6, с. 37]. Это обстоятельство способствует сохранению положительной коннотации в данной фразеологической парадигме. Даже ФЕ *забыть хлеб-соль*, несмотря на очевидную сниженность, сохраняет высокую стилистику [7, с. 37]. Выражение неодобрительное, но неодобрительность в свою очередь актуализирует высокий статус «хлеба и соли». «Обычай преподносить гостям хлеб-соль пришел из глубины веков и сохраняется в России до сих пор как священный акт уважения, любви и признания. Само понятие гостеприимства выражается словом «хлебосольство» [8, с. 108; 9, с. 51].

Для выявления объема концепта «хлеб» в языковой картине мира русского народа следует проводить анализ по когнитивным признакам. Например, ФЕ *кусоч хлеба* реализует такой признак, как «самое необходимое» или «необходимый минимум», следовательно, концепт «хлеб» обнаруживает признак «поддерживать жизнь», «минимум для поддержания жизни». Ср. лермонтовское: «куска лишь хлеба я просил».

Фразеологизм *хлеб насущный* уже толкуется как единица вторичной номинации, т. е. безотносительно к питанию и пропитанию. Это позволяет актуализировать основной множитель исконного денотата: не просто важное, а самое важное. Словарь не отмечает евангельское происхождение ФЕ *хлеб насущный*. На взгляд авторов, евангельское происхождение не просто очевидно, это фрагмент молитвы, которой учит Христос: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Евангелие от Матфея, 9:11) [1, с. 1017]. Конечно, можно предположить, что слово *насущный* или соответствующее понятие существовали и до христианства. Даже в этом случае объединение этих двух понятий и создание штампа *хлеб насущный* требовало или предполагало сформированность дискурса, каковым и является евангельский дискурс. М. Фасмер не отмечает евангельского происхождения данного устойчивого сочетания, но указывает, что слово *насущный* заимствовано из старославянского, где в свою очередь является калькой из гре-

ческого: на текущий день [10, с. 48]. Собственно церковно-славянское и греческое происхождение даже без ссылки на евангельский текст служит свидетельством библейского происхождения. Таким образом, этимология раскрывает и основной когнитивный признак концепта «хлеб», представленный в структуре фразеологизма *хлеб насущный*.

ФЕ *хлебом не корми* или *хлебом не корми, только дай* (что-либо делать) фактически не о хлебе, т. е. в структуре фразеологического значения «ничего не надо кому-либо, только бы иметь возможность совершить желаемое» сема «хлеб» как компонент отсутствует. И тем не менее фразеологическое значение актуализирует важнейший когнитивный признак данного концепта: «самое важное, без чего сама жизнь невозможна».

В русском языке существуют два значения фразеологизма *хлеб-соль*. Первое носит этикетный характер и является пожеланием приятного аппетита. Словарь указывает формы *хлеб-соль*, *хлеб да соль*, *хлеб и соль*. Второе фиксируется в двух значениях: 1) угощение, 2) забота. Оба значения являются фразеологическими и производными от исконного денотата.

В семантической структуре всех остальных фразеологизмов также актуальны такие признаки, как «содержание», «печение», «заработок», «добро» и т. д. Поскольку концепт «хлеб» и его высокий духовный статус являются универсальным явлением, то можно предположить, что и пути фразеологизации в языках мира идентичны. Различаться могут конкретные ФЕ, модели, по всей вероятности, остаются одними и теми же. Это мотивировано символической потенцией основного средства питания. Конечно, в символических системах, организуемых концептом «хлеб» в языках мира, обнаруживаются и более сложные ассоциации. Например, Дж. Тресиддер указывает: «Хлеб. Символ средства существования в странах, где он являлся и является главным пищевым продуктом. В христианской традиции хлеб – метафора как духовной пищи, так и воплощение тела Самого Христа. Хлеб, разделенный и съеденный с кем-то вместе, – знак союза. Пресный хлеб – символ очищения и жертвоприношения во время еврейской Пасхи» [11, с. 397; 12, с. 137].

Исконный денотат, формирующий основное номинативное значение слова *хлеб* в русском языке, присутствует в семантической структуре всех производных независимо от степени удаленности их от производящей семантической базы. Фразеологизация также основывается на семе «главный элемент питания». Семы «жизнь», «минимум» и «ценность» представляют базовую сему в структуре единиц вторичной номинации и непосредственно ассоциируются с ней. Например, они организуют

модель «помнить об этом» и «забыть». На знакомом уровне эти модели создают конкретные ФЕ с концептом «хлеб». На ментальном – представления о необходимости помнить добро (кто тебе давал этот ценный и необходимый минимум для жизни) и порицании забывчивости и неблагодарности (не помнить о том, кто давал тебе этот необходимый минимум).

Особое место занимает концепт «хлеб» в русской паремииологии. Это закономерно и также непосредственно связано с ролью и значением хлеба в жизни народа. В. И. Даль в словаре «Пословицы русского народа» приводит, например, такую: «Хлеб – батюшка, кормилец; кроху наземь уронить грешно» [13, с. 351]. Характерно также, что эта пословица приводится в главе «Суеверия – Приметы». В самой пословице никаких следов суеверия или примет не существует. Во всяком случае, дискурсивно это не выражено. Напротив, здесь представлено духовное начало, тезис о том, что *уронить крошку хлеба на землю – грешно*, имеет высокое нравственное содержание. На Востоке, и в частности в Азербайджане, широко распространен обычай поднимать хлеб с земли и класть куда-нибудь повыше. Фактически тот же стандарт выражен в этой русской пословице.

Пословица «Хлеб – батюшка, кормилец; кроху наземь уронить грешно» по своему содержанию достаточно сложная. Она состоит из двух частей, и можно предположить, что именно вторая часть содержит основную мысль о греховности пренебрежительного отношения к хлебу. Первая часть носит объяснительный и мотивирующий характер – почему нельзя ронять хлеб. На самом деле первая часть пословицы самодостаточна. Ассоциация хлеба с отцом является очень глубокой, поскольку актуализирует в свою очередь все представления народа о главе семьи, о том, кто кормит, содержит, заботится, защищает. Иными словами, здесь ценность хлеба раскрывается через ценность отца, народная мудрость заключается в том, что более сложное объясняется в сравнении с менее сложным, но само сравнение вовсе не является случайным или малозначительным. Уточнение *кормилец* уже в концепте «отец» выделяет когнитивный признак «тот, кто кормит». Таким образом, пословица имеет и конкретно-жизетское, и высокое нравственно-духовное содержание.

Как уже отмечалось, пословица «Хлеб – батюшка, кормилец; кроху наземь уронить грешно» не содержит суеверия, поэтому включенность ее в главу «Суеверия – Приметы» способна вызвать сомнения. Однако можно попытаться найти и этому объяснение. Например, можно предположить, что суеверие связано со страхом: *если уронишь хлеб наземь – не миновать беды*. Это значение

представлено в структуре пословицы на имплицитном уровне. На этом фоне приобретает особое значение и компонент *кроха*. С ним связана экспрессия и своеобразная гиперболизация: *даже малюсенькую крошку если уронишь – случится беда*. Вообще такого рода пословицы с участием фундаментальных для национального менталитета концептов служат прекрасным доказательством известного положения о том, что смысл пословицы раскрывается на нескольких уровнях. Подобно алгебраической формуле, пословица состоит из неизвестных величин, которые наполняются конкретным содержанием в конкретной ситуации. Это действительно так. Однако участие важнейших в картине мира народа концептов говорит о том, что пословица и в буквальном плане имеет большую ценность. Более того, когнитивная и, соответственно, историко-культурная ценность пословицы, как правило, реализуется именно в буквальном плане. Афористическая потенция пословицы позволяет ей охватывать огромный (практически бесконечный) жизненный материал. Следовательно, логика жизненных моделей охватывается паремииологической семантикой. Понимание этого не отрицает роль исконного и буквального денотата в символически осмысленных моделях любого типа.

Такое же полумистическое отношение к хлебу выражает и пословица «Поколе хлеб в печи, не садись на печь, испортится» [13, с. 351]. Конечно, можно предположить и существование физической причины данного правила. Однако налицо выражение уважения. Концепт «хлеб» здесь обнаруживает когнитивный признак «неприкосновенность». Известно также, что в быту, и не только крестьянском, не позволялось подходить близко к печи, к столу, на котором замешивается тесто, нельзя было хлопать дверьми и окнами. Поскольку пословица имеет и буквальный, и переносный план, то вполне естественно предположить, что в ней отражен многовековой опыт ограждения пищи от заразного или просто нечистого. Видимо, замешивание теста и дальнейшая процедура по выпечке хлеба носила ритуальный характер.

Концепт «хлеб» обнаруживает когнитивный признак, связанный с социальным опытом, в структуре пословицы «И богат мужик, да без хлеба – не крестьянин» [13, с. 351]. Хлеб в русской языковой картине мира служит показателем социального успеха. Поскольку мерилем социального успеха в русском крестьянском сознании служит мнение крестьянского мира, то человек, не имеющий собственного хлеба, не является крестьянином, следовательно, не является и членом крестьянского мира. В этом случае и богатство его сомнительное. Концепт «хлеб» и в этом случае реализует такой признак, как «самое ценное» или «реальный пока-

затель значимости, богатства». Буквальный смысл пословицы говорит и о том, что даже богатый мужик должен есть хлеб, если его нет, то он попадает в зависимость от того, у кого хлеб имеется.

Как было отмечено выше, эти пословицы о хлебе включены в раздел о приметах, но носят абсолютный характер, утверждают ценность хлеба независимо от каких-либо примет. Однако здесь же встречаем и другие пословицы о хлебе, которые действительно связаны с суевериями и приметами. Например, «Сажая хлебы в печь, подымай подол, приговаривая: „Подымайся выше!“» [13, с. 351]. Эта пословица связана не с приметами, а, скорее всего, именно с суеверием. Концепт «хлеб» здесь реализует такой когнитивный признак, как «хороший хлеб должен хорошо подняться». Приметы обычно основываются на эмпирическом опыте народа, многократном наблюдении явлений. Вряд ли подол женского платья и его поднятие имеют какое-то отношение к подниманию хлеба. Следовательно, связь здесь чисто внешняя и ассоциативная.

Характер суеверия носит и пословица «На закате солнца хлебом и деньгами не ссужают» [13, с. 351]. Ср. также сохранившееся у азербайджанцев поверье о том, что вечером нельзя отдавать свечи или спички. Хлеб также не рекомендует народная мудрость отдавать вечером. Ясно, что в основе такого рода поверий лежит народный опыт, это не просто суеверия. Суть в том, что днем человек может что-то сделать, если ему самому понадобится хлеб, или деньги, или свеча. Ночью же он может сам остаться без хлеба. Концепт «хлеб» и в этой пословице реализует когнитивный признак «самое ценное, без чего невозможно обойтись».

Некоторые пословицы трудно понять и интерпретировать с точки зрения современных понятий. Например, В. И. Даль приводит пословицу «Когда хлеб печется, не мети избы: спорынью выметешь» [13, с. 351]. Спорынья определяется следующим образом: «СПОРЫНЬЯ. Болезнь злаковых растений (преимущ. ржи), вызываемая паразитическим грибом, при которой в колосе вместо зерна образуются фиолетово-черные рожки, содержащие алкалоиды (используются в медицине)» [4, с. 230]. Еще более интересным является пожелание, этикетная фраза женщине, которая месит тесто: «Спорина (спорынья) в квашню! (Привет бабе, которая месит хлебы)» [13, с. 351].

В словаре Д. Н. Ушакова читаем: «СПОРЫНЬЯ. Паразитные черные зерна, рожки на завязи ржи, придающие муке ядовитые свойства, упот. в медицине против кровотечений. Очищать посевы от спорыньи. От муки со спорыньей бывает злая корча» [14, с. 291].

Можно подумать, что приведенное пожелание носит шутливый характер, но «ценность» споры-

ньи утверждается и в пословице. С другой стороны, в народе, видимо, умели использовать спорынью в отмеченном медицинском аспекте, т. е. умели с ее помощью останавливать кровь. Если так, то пословица «Когда хлеб печется, не мети избы: спорынью выметешь» получает объяснение. В этом случае ясно, что в пословице утверждается ценность не хлеба, а спорыньи.

К суевериям относятся пословицы типа «Хлеб или ложка за обедом выпадет – гость спешит», «Если под печью лежит голик или сидит лягушка, то хлебы испортятся», «Каравай хлеба начинай резать с головы» (с края, который несколько повысился) [13, с. 351]. Первая является чистым суеверием. Что касается второй и третьей, то здесь можно предположить и существование некоторой практической основы. Голик – это веник из голых прутьев, следовательно, голик под печью – суеверие. Лягушка под печью, возможно, воздействует на хлеб запахом. Резать каравай с выдающейся стороны также может иметь практическое значение – меньше крошиться будет. В основе всех суеверий, возможно, лежат практические знания, суть которых утрачена, но следы зафиксированы в фольклорных текстах, и в пословицах прежде всего. Ассоциации, организующие модель понимания и объяснения мира, опираются на определенные когнитивные стандарты. В этом смысле все эти ассоциации, приводящие к суевериям, каким-то образом осмыслены.

Концепт «хлеб» в словаре В. И. Даля представлен и в главе «Животное – Тварь». Например, «Без хлебного корму лошадь на кнуте едет» [13, с. 355]. В семантической структуре этой пословицы концепт «хлеб» также реализует признак «исключительная ценность», «насуточная необходимость».

Наличие в этой группе пословиц типа «На лошадь не плоть покупают, а овес», «Погоняй коня не кнутом, а овсецом», «Не спеши ездой (ездить), спеши кормом (кормить)», «Казак сам не ест, а лошадь кормит», «Казак голоден, а конь его сыт» говорит о том, что компонент «хлеб» является факкультативным членом, суть в том, что у хорошего хозяина лошадь сыта. Здесь встречаются также компоненты *тесто*, *мука*, *мешок*. Например: «Скотину гладь не рукой, а мукой», «Не рукой гладь, мешком», «Не потчуй лошади ездом, а корми тестом; не гладь рукой, посыпай мукой», «Сыпь коню мешком, так не будешь ходить пешком» [13, с. 355].

Фундаментальность концепта «хлеб» в языковой картине мира русского народа со всей очевидностью проявляется на всех перечисленных уровнях [15]. Полное представление об объеме данного концепта может быть создано только с учетом фольклорного материала. Система важнейших

когнитивных признаков успешно прослеживается на материале лексических, фразеологических и паремиологических единиц. Для исследования был собран соответствующий материал по словарям В. И. Даля, В. М. Огольцева, Д. Н. Ушакова, М. Фасмера, а также четырехтомному академиче-

скому «Словарю русского языка». Задача когнитивного или лингвокогнитивного анализа заключается в анализе языковых единиц, ориентированном на выявление когнитивных признаков, представляющих данный концепт в структуре конкретного знака.

Список литературы

1. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: Русские словари. АСТ. Астрель, 2001. 799 с.
2. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 1995. 1254 с.
3. Журавлев А. Ф. Язык и миф. М.: Индрик, 2005. 1006 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / Академия наук СССР; Институт русского языка. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. 384 с.
5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
8. Козлова И. Е., Гребёнкина И. Н. Образные выражения с наименованием «хлеб» во французском и русском языках: лингвокультурологический и дискурсивный аспекты // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 6 (183). С. 107–111. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-107-111.
9. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1971. 827 с.
11. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001. 448 с.
12. Юрина Е. А., Авраменко О. В., Помаролли Д. Универсальные аспекты метафоризации образов зерна и хлеба в русском, английском и итальянском языках // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 11 (188). С. 135–139. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-135-139.
13. Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. 400 с.
14. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 3. М.: Вече. Мир книги, 2001. 481 с.
15. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Гусейнова Ульвия Гусейн кызы, кандидат филологических наук, Бакинский государственный университет (ул. Академика З. Халилова, 23, Баку, Азербайджан, AZ1148). E-mail: bgu-ul@bk.ru

Материал поступил в редакцию 17.05.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-28-33

CONCEPT “BREAD” IN WORLD PICTURE OF RUSSIAN PEOPLE

U. G. Guseynova

Baku State University, Baku, Azerbaijan

The article deals with problems of cognitive linguistics. The fundamental concepts comprising world language picture is the centre of attention. The article traces the verbalization of the concept of “bread” in the Russian language, using materials from the academic dictionary that contain some phraseological units with component “bread”, each of which implements one of the main cognitive features of this concept. On the basis of the examples given, it is shown that the degree of phraseologization of these units is different, but nevertheless all of them retain a connection with the original denotate. This circumstance contributes to the preservation of positive connotations in this phraseological paradigm. The analysis of cognitive signs to identify the scope of the concept of “bread” in the language picture of the world of the Russian people is carried out. The question of the original meaning, which forms the main nominative meaning of the word “bread” in Russian, which is present in the semantic structure of all derivatives, regardless of the degree of their distance from the creation of a semantic base, is considered. For the bulk identification of the concepts of “bread” in the linguistic picture of the world of Russian people, an analysis was conducted on the basis of cognitive signs. The fundamental nature of the concept “bread” in a language picture of the world of the Russian people with all evidence is shown at all levels. A complete idea of the scope of this concept can be created only with regard to folklore material. However, the system of the most important cognitive signs is successfully traced on the material of lexical, phraseological and paremiological units. We have been collecting the corresponding materials from dictionaries

of V. I. Dal, V. M. Ogoltsev, D. N. Ushakov, M. Fasmer, and the four-volume academic dictionary of Russian (the Small Academic dictionary). The task of cognitive or linguistic-cognitive analysis is to analyze language units, focused on identifying cognitive signs that represent this concept in the structure of a particular character. The research shows that cognitive characteristics realized by the concept “bread” embrace the image of bread in the national thinking of Russian nation.

Keywords: *concept, bread, world picture, cognitive sign, verbalization.*

References

1. Ogoltsev V. M. *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka* [The dictionary of steady comparisons of Russian]. Moscow, Russkiye slovari. AST. Astrel' Publ., 2001. 799 p. (in Russian).
2. *Bibliya. Knigi Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books Old and New testament]. Moscow, Rossiyskoye Bibleyskoye obshchestvo Publ., 1995. 1254 p. (in Russian).
3. Zhuravlev A. F. *Yazyk i mif* [Language and myth]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1006 p. (in Russian).
4. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh. T. 4* [Russian dictionary in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984. 384 p. (in Russian).
5. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2004. 992 p. (in Russian).
6. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic cultural aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 288 p. (in Russian).
7. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Cultural linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p. (in Russian).
8. Kozlova I. Ye., Grebenkina I. N. Obraznyye vyrazheniya s naimenovaniyem "khleb" vo frantsuzskom i russkom yazykakh: lingvokul'turologicheskii i diskursivnyy aspekty [Figurative expressions denominating "bread" in the French and Russian languages (linguoculturological and discursive aspects)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 6 (183), pp. 107–111 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-107-111.
9. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005. 544 p. (in Russian).
10. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. III* [Etymological dictionary of Russian. Vol. III]. Moscow, Progress Publ., 1971. 827 p. (in Russian).
11. Tresidler J. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, Fair-Press Publ., 2001. 448 p. (in Russian).
12. Yurina E. A., Avramenko O. V., Pomarolli G. Universal'nyye aspekty metaforizatsii obrazov zerna i khleba v russkom, angliyskom i ital'yanskom yazykakh [The images of grain and bread in Russian, English and Italian languages: universal aspects of metaphORIZATION]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 11 (188), pp. 135–139 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-135-139.
13. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda. T. 2* [Proverbs of Russian people. Vol. 2]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 400 p. (in Russian).
14. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. T. 3* [Russian explanatory dictionary. Vol. 3]. Moscow, Veche. Mir knigi Publ., 2001. 481 p. (in Russian).
15. Yakovleva E. S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of Russian language picture (model of space, time and perception)]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 344 p. (in Russian).

Guseynova U. G., Baku State University (ul. Akademika Z. Khalilova, 23, Baku, Azerbaijan, AZ1148).
E-mail: bgu-ul@bk.ru